

О роли мифологии в формировании исторического самосознания современного человека

Александров В. Б.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; vladboralex@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье обосновывается положение о том, что формирование исторического самосознания человека определяется приобщением к целостности духовной культуры, составной частью которой выступает историческое познание.

Развитие исторического самосознания представляет собой постоянно совершающийся процесс возникновения и разрешения противоречия между двумя истинами: экзистенциальной и гносеологической. Экзистенциальная истина представляет собой способ бытия человека, адекватный культурной традиции, формирующийся на основе усвоения основных смыслов и ценностей исторического бытия нации. Гносеологическая истина является результатом беспочвенного конструирования на основе принципов и норм научного исследования образа исторического прошлого. Сферой разрешения этого противоречия выступает не собственно историческое знание, а целостность культуры, выражающаяся всей совокупностью форм духовного освоения социальной реальности.

Автор полагает, что важнейшей формой, в которой существует историческое самосознание, выступает миф. Его значение как фактора формирования исторического самосознания определяется степенью соответствия национально-культурной традиции. Миф представляет собой образное дополнение к системам фактов, доставляемых исторической наукой. Это тот срез картины исторической реальности, который становится достоянием массового сознания.

В статье отмечается, что сциентистское увлечение научной аргументацией должно быть поставлено перед лицом исторической веры, воплощенной в мифологизированных образах исторических персонажей и исторических событий и определяющей жизненные интенции нации.

Ключевые слова: историческое самосознание, мифология, экзистенциальная истина, гносеологическая истина, культура

Для цитирования: Александров В. Б. О роли мифологии в формировании исторического самосознания современного человека // Управленческое консультирование. 2019. № 10. С. 81–91.

About the Mythology Role in Formation of Historical Consciousness Modern Person

Vladimir B. Aleksandrov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint-Petersburg, Russian Federation; vladboralex@mail.ru

ABSTRACT

The provision that formation of historical consciousness of the person is defined by familiarizing with integrity of spiritual culture as which component historical knowledge acts is proved in article. Development of historical consciousness represents constantly made process of emergence and permission of a contradiction between two truth: existential and gnoseological. Existential truth represents the way of life of the person adequate to cultural tradition which is formed on the basis of assimilation of the main meanings and values of historical life of the nation. The gnoseological

truth is result of groundless designing on the basis of the principles and norms of scientific research of an image of the historical past. Not actually historical knowledge, but the integrity of culture which is expressed by all set of forms of spiritual development of social reality acts as the sphere of permission of this contradiction.

The author believes that the myth acts as the major form in which there is a historical consciousness. Its value as factor of formation of historical consciousness is defined by degree of compliance of national and cultural tradition. The myth represents figurative addition to the systems of the facts delivered by historical science. It is that cut of a picture of historical reality which becomes property of mass consciousness.

In article it is noted that scientific argument has to be put in the face of the historical belief embodied in the mythologized images of historical characters and historical events and the nation defining vital intensions.

Keywords: historical consciousness, mythology, existential truth, gnoseological truth, culture

For citing: Aleksandrov V. B. About the Mythology Role in Formation of Historical Consciousness Modern Person // Administrative consulting. 2019. N 10. P. 81–91.

Современный человек оказался перед лицом сложных и весьма неоднозначных процессов, происходящих в окружающей его жизни, среди которых особая роль принадлежит информационной мешанине, прихотливо отражающей идеологические интенции различных политических сил, журналистские изыски, творческие поиски деятелей искусства... В этих условиях с большей или меньшей степенью осознанности человек стремится нащупать некоторые ценностные ориентиры, которые могли бы создать основу для его личностного самоопределения и формирования соответствующего ему видения происходящего, его истоков и перспектив. Этот поиск, естественно, не может не направляться теми, кто принял или, в силу тех или иных причин, считает себя достойным принять на себя ответственность за судьбы общества и за счастье человека, теряющего ориентиры в волнующемся море бытия. Данное обстоятельство создает дополнительные сложности для формирования собственной картины мира и понимания своего места в нем.

Наверное, не будет большим откровением утверждение, что важнейшим направлением подобных поисков является обращение к истории. Как заметил В. О. Ключевский, «история — что власть: когда людям хорошо, они забывают о ней и свое благоденствие приписывают себе самим; когда им становится плохо, они начинают чувствовать ее необходимость и ценить ее благоденствия» [3, с. 308]. Одни требуют от нее предоставления оснований для своих претензий на статус спасителей общества, другие видят в ней источник, призванный удовлетворить естественную потребность в личностной идентификации. Поскольку для первых не безразлично как идет восприятие истории конкретными людьми, начинается естественная борьба за прошлое, за его образ и за те формы, в которых оно существует в индивидуальном сознании.

История в сознании человека живет только тогда, когда она становится фактором самосознания, т. е. не только образом прошлого, расширяющим кругозор человека, но и источником ценностных оснований, определяющих смысловые основы его существования. В случае, когда достигается такая степень восприятия истории, можно говорить о том, что в сознании человека формируется определенный пласт, а именно, историческое самосознание, которое преобразует все содержание сознания. Оно может быть более или менее развитым в зависимости от глубины и степени вовлеченности субъекта в изучение тех или иных аспектов исторического процесса. Кроме того, процесс превращения исторического знания в факт самосознания связан с тем, какие формы обретает историческое знание, доступное субъекту, а также каким образом оно его «находит» или, другими словами, каким образом сам человек открывает для себя историю, начинает жить в ней.

Рассмотрение процесса формирования исторического самосознания начнем с простой констатации того обстоятельства, что человеческое сознание по своей природе исторический феномен, соединяющий в себе все темпоральные измерения человеческого бытия: настоящее, прошлое и будущее. Это, по-видимому, его важнейшая характерологическая особенность. Начинаясь с простейшего противопоставления «Я» и окружающего мира в сознании ребенка, оно непрерывно расширяется, во многом благодаря увеличивающемуся в объеме и становящемуся все более разнообразным по своему содержанию прошлому, в которое с возрастающей скоростью преобразуется эфемерное настоящее. Этот процесс происходит благодаря согласованию вновь формирующего прошлого с уже освоенным сознанием массивом сохраняющихся в памяти образов событий, имевших место в жизни ребенка и получивших определенную интерпретацию в свете его меняющегося жизненного опыта. Следствием этого процесса является постоянное расширение поля для рефлексии, основания для размышления о себе самом, о своем месте в меняющейся жизни. Его движущей силой является развивающиеся и усложняющиеся отношения субъекта с окружающим миром. Этот процесс стимулирует творческое наполнение рефлексивной деятельности, преобразующей как самосознание, так и само прошлое, представленное в сознании человека.

Формирование прошлого, не как безмолвной исторической объективности (такое прошлое, используя выражение Бэкона, Ключевский определил как *virgo sterilis* [бесплодная дева]), а как начала говорящего, как стороны внутреннего диалога, постоянно преобразующего человеческое сознание, естественным образом с самого начала характеризуется тенденцией к мифологизации образа этого прошлого. Этот процесс начинается с простейших воспоминаний об участии в тех несложных делах, которые доступны ребенку, вступающему в жизнь «больших людей», кажущихся ему всемогущими и творящими мир, в котором он ощущает себя маленьким и беспомощным.

Можно сказать, что на этом пути формируется видение реальности, которое по сути дела имеет мифологический характер. Логика этого процесса в целом совпадает с логикой формирования мифологии как феномена общественного сознания, содержание которого составляют эмоционально наполненные образы, не «ищущие» рационального обоснования.

В дальнейшем формирование содержания прошлого человека все в меньшей степени становится делом исключительно индивидуального жизненного опыта. По мере взросления человека оно все дальше выходит за его границы. Личное прошлое пронизывается образами истории семьи, почерпнутыми из рассказов родителей, соотносится с представлениями об истории страны, народа, обретаемыми в процессе чтения художественной литературы, на школьных уроках, вузовских лекциях; многое черпается из того грязноватого источника, который называется средствами массовой информации.

Вообще следует подчеркнуть, что формирование исторического самосознания является делом всего комплекса форм духовного освоения действительности, в которых в соответствии с их спецификой воспроизводится картина прошлого. Несомненно, в настоящее время важнейшая роль в этом процессе принадлежит исторической науке, достижения которой через систему образования, популяризацию в средствах массовой информации становятся достоянием массового сознания. Однако процесс формирования исторического самосознания не сводится к прямому или косвенному знакомству с достижениями исторической науки. В нем участвует Литература, отражающая представление об истории в форме художественных образов, несущих на себе печать видения истории автора литературного произведения. Заметим, что на определенных этапах истории культуры (например, в эпоху романтизма) Литература вообще выступала главной формой представления

истории общественному сознанию. Большую роль в этом процессе играют изобразительное искусство, в наглядно-образной форме, отражающее сюжеты минувших лет, музыка, создающая звучащие картины прошлого. Фундаментальным фактором формирования исторического самосознания является философия, отражающая ментальную эволюцию, происходившую в контексте конкретной культуры. На уровне обыденного сознания особое значение имеет память старших поколений и многое, многое другое. Историческое видение, свойственное индивидуальному сознанию, так или иначе, согласует в себе исторические картины, формирующиеся во всех этих формах общественного сознания.

В настоящее время в условиях невообразимой ранее пестроты и многозначности информационной среды появляются многочисленные варианты трактовки как отечественной, так и мировой истории, так или иначе находящих отражение во всех вышеперечисленных формах духовной жизни. Появляется ощущение невозможности достижения единственно верного и неоспоримого знания прошлого, понимание плюральности исторического видения как неизбежного и естественного способа существования исторического знания. Эта ситуация нашла в наше время свое философское осмысление в категориях постправды, постистории, симулякра и пр. концептах, связывающихся с идеологией постмодернизма.

Как бы ни относиться к данной идеологии, нельзя отрицать того обстоятельства, что важнейшей чертой исторического сознания современного человека является неустранимая внутренняя противоречивость, требующая постоянной напряженной духовной работы личности по согласованию различных интерпретаций прошлого, побуждаемой естественным стремлением к установлению более или менее устойчивых ориентиров в определении жизненных смыслов.

Естественно, эта работа на различных этапах развития личности, в зависимости от уровня ее образованности, осуществляется с разной степенью основательности. Однако вне зависимости от этого обстоятельства можно говорить о некоторой универсальной форме кристаллизации результатов внутренней работы по формированию образа прошлого, согласующей в себе возможности всех видов духовной жизни, так или иначе осваивающих историю. Такой формой, в которую отливается историческое самосознание, формирующееся на этом пути, выступает, на наш взгляд, мифология. Сказанное касается и самосознания общества на уровне массового сознания, и индивидуального непрофессионального сознания.

Иногда приходится сталкиваться с оценкой мифологического видения истории как своего рода «детской болезни», которая должна быть преодолена в ходе систематического образования. Однако, как показывает непредвзятый анализ, мифология является неустранимым и в определенном смысле «системообразующим» элементом исторического самосознания человека, как на уровне индивидуального субъекта, так и на уровне тех или иных исторических общностей людей. Говоря это, мы, вспоминая известный оборот классика марксизма, употребленный, правда, по другому поводу, конечно, имеем в виду то очевидное обстоятельство, что могут быть мифы и мифы. Речь идет о необходимости различать мифы, как некоторые фантастические сказания, персонажами которых являются фантастические существа, и мифы как легенды, представляющие собой усиленные фантазией автора представления о реально совершавшихся событиях и реально живших людях.

Неустранимость мифологического видения истории хорошо обосновывается с помощью описанного Юнгом механизма переноса архетипа на явление, ставшее предметом сознания. Одним из таких часто востребованных архетипических образов является, например, отмеченный Юнгом комплекс спасителя, который, по его словам, есть не что иное, как «архетипическая идея магической личности» [7, с. 107]. Он «обнаруживается в виде психологии массы, толпы. Комплекс спасителя — архетипический образ коллективного бессознательного, и совершенно естественно, что он

актуализируется в эпохи, столь насыщенные проблемами и дезориентацией, как, к примеру, наша» [там же, с. 115] (работа Юнга написана в 1935 г.). Из сказанного следует, что этот архетип можно истолковать и как фактор, обуславливающий мифологизацию образов субъектов, с которыми связывается возможность преодоления проблем и жизненной дезориентации. Подобную роль могут играть и другие архетипы, в частности, это архетип чужестранца, отца и пр.

Историческое сознание естественным образом включает в себя проекцию бессознательного, кодирующего в себе исторический опыт субъекта, на явления, которые человек пытается сделать «своими», адекватными сложившимся на данный момент содержательно-смысловым особенностям самосознания. Это обусловлено тем, что, как отмечает Юнг, «по сути дела в коллективном бессознательном индивида представлена сама история; и когда у отдельных индивидуалов начинают активизироваться архетипы, мы оказываемся окруженными историей, хотя и пребываем в настоящем. Архетипический образ, диктуемый моментом истории, входит в жизнь, и каждый оказывается захваченным им... Коллективная психология есть мощный фактор, фактор, меняющий всю нашу жизнь, меняющий поверхность знакомого нам мира, фактор, который делает историю» [Там же, с. 117]. Таким образом, коллективная психология, благодаря актуализации некоторых архетипов, стимулируемой определенными социальными обстоятельствами, меняя «поверхность знакомого нам мира», создает его мифологическое видение.

В этой связи необходимо подчеркнуть специфическую роль в формировании исторического самосознания исторической науки. По логике существования научного познания, оно должно преодолевать мифологию, наполняя сознание объективным знанием. И действительно, мифологический план сознания, формирующегося за пределами научного сообщества, постоянно «теснится» развивающимся знанием об обществе, событиях, которые происходили в разные эпохи и в разных концах света и составили содержание того прошлого, которое вошло в содержание сознания.

Мифологическое сознание постоянно «подтачивается» результатами рационального исторического исследования, которые становятся в той или иной форме, с той или иной степенью популяризации достоянием массового сознания. Главной формой исторического знания, противостоящей мифологическому видению истории, является, по-видимому, исторический факт, который понимается обычно как форма достоверного знания в исторической науке.

Устанавливая значение факта как «средства» борьбы с мифологией, следует иметь в виду ряд обстоятельств. Во-первых, это хорошо осознанную в современной методологии исторического познания ограниченность позитивистского понимания фактов как некоторых незыблемых кирпичиков, из которых строится картина прошлого. Факт сегодня понимается как некоторое суждение о действительности, содержание которого представляет собой отражение событий прошлого, «нагруженное» ценностными и концептуальными установками исследователя.

Во-вторых, формирование факта представляет собой двухступенчатый познавательный процесс. Это обстоятельство применительно к археологии убедительно обрисовал Ж.-К. Гарден (заметим, что для археологии этот аспект познания явлений прошлого более очевиден, поскольку здесь в большей степени разорваны предметные результаты деятельности и ее смысл). Он высказал мысль необходимости различения двух основных типов построений в исторической науке — компиляций и экспликаций. Это обусловлено необходимостью различать высказывания, «предназначенные для описания предметов материальной культуры, которые нужно объединять в одном своде, чтобы облегчить изучение связанных с ними исторических проблем» [2, с. 67], и высказываний, «направленных на реконструкцию событий или способов жизни древних людей и общественных групп на основе тех

особенностей, которые выявляются в данном комплексе археологических материалов и наблюдений» [Там же, с. 69].

Последний тип высказываний связан с необходимостью перехода от описания внешних характеристик предметов культуры прошлого к самим древним людям, к событиям, которыми была отмечена их история. Исходя из сказанного, можно говорить о том, что существуют факты двух видов — факты, отражающие внешние черты феноменов материальной культуры, и факты, отражающие события, относящиеся к жизнедеятельности людей прошлого.

Особое значение для рационализации исторического видения имеют факты первого рода, которые в своем единстве характеризуют то, что Ф. Бродель называет материальной цивилизацией, и установлению которых посвящен его фундаментальный труд «Материальная цивилизация XV–XVIII вв.». Факты этого рода представляют собой документально засвидетельствованные данные о самых разных сторонах жизни людей определенной эпохи: «от пищи до мебелировки, от техники до городов», определяемые Броделем как «факты длительной временной протяженности».

В этой своей части история выступает главным антагонистом мифологического мировоззрения.

Однако существует и другой вид фактов, обращение к которым сближает историческое существование с мифологическим видением истории, формирующимся во вненаучных формах духовной жизни общества. Этот вид фактов касается событий, как феноменов, представляющих результаты деятельности тех или иных субъектов. Как только факт начинает становиться отражением событий, он обретает тенденцию движения к мифологизации реально произошедшего, поскольку неизбежно наполняется субъективным видением историка, реконструирующего действия той или иной конкретной исторической личности или коллективного субъекта. Это касается даже таких «микрособытий», которые Бродель называет исторической пылью. В качестве примера такого «микрособытия» он приводит легенду о том, что «Картуш (легендарный разбойник XVIII в. — В. А.) перед казнью предпочитает предложенному ему кофе стакан вина» [1, с. 594]. Однако этот феномен «исторической пыли» обретает неустранимое мифологическое значение и входит в плоть французской культуры, становится элементом ее кода. Свидетельством тому является появление произведений искусства, поднимающие образ данного исторического персонажа до уровня культурного мифа, формирующего самосознание французской нации (вспомним, например, известный фильм с Бельмондо в роли Картуша).

Определенные результаты в движении к достижению объективной реконструкции деятельности людей прошлого можно получить на путях применения герменевтической методологии. Однако, несмотря на все конкретизации, которые она предполагает, всегда остается достаточно широкое поле для субъективизации образа исторического персонажа, его продвижения в сознание читателей в качестве неординарной (с плюсом или минусом) исторической личности. За этим продвижением всегда будет скрываться личная позиция автора повествования, которую он с большей или меньшей степенью осознанности проецирует на своего героя.

Все это означает, что в той ее части, где история представляет собой повествование о событиях прошлого, в котором субъективное видение историка не может быть полностью устранимым, она имеет тенденцию наполнения его мифологическим содержанием. Именно мифология создает живую человеческую реальность, по отношению к которой самоопределяется человек.

Некоторые авторы, видя эту живучесть мифологии в историческом исследовании, полагают, что она выполняет своего рода служебную функцию, состоящую в обосновании историком требуемых некоторыми инстанциями идеологических установок.

Такое упрощенное понимание места мифологии в историческом исследовании проникло и в учебную литературу. Примером такого подхода являются рассуждения авторов учебного пособия «История исторического знания». Согласно их представлениям, «историк ангажирован своим временем и не может быть свободен от социальных идей и политических идеологий. Историческая наука, так же как и массовое сознание, создает свои собственные мифы о прошлом и использует их для подтверждения тех или иных актуальных представлений» [6, с. 25]. В свете сказанного получается, что историк целенаправленно мифологизирует образ исторического прошлого с помощью специально создаваемых для этого мифов. На наш взгляд, ситуация принципиально иная. Мифология является естественным и неустранимым моментом исторического мышления. При этом она не противостоит мифологии, формулируемой в других областях духовной жизни, а является неустранимым элементом единого процесса мифологизации истории. Авторы упомянутого пособия критически оценивают практику «использования мифов», полагая, что историк должен поставить заслон для «ложных социальных мифов». Вот продолжение приведенной выше мысли указанных авторов: «однако добросовестность и профессиональная честность историка требуют отказа от прямого отождествления прошлого и настоящего. Историк балансирует на грани объективности и пристрастности, однако только он может поставить заслон на пути использования прошлого как материала для политических идеологий и ложных социальных мифов» [Там же]. Думается, что здесь принципиально искажена задача исторического познания. Его самоцелью является не заслон для использования прошлого в обосновании настоящего (само обращение к прошлому всегда, явно или неявно, находится под влиянием современной проблематики), а грамотное научное исследование прошлого в соответствии с требованиями методологии исторического исследования. Историк не ставит заслона — он является участником непрестанно совершающегося диалога между современными ему идеологическими концепциями и концепциями исторического процесса, выстраиваемыми на основе применения научной методологии. Он не развенчивает «ложные мифы» (само понятие ложного мифа вызывает недоумение — если есть ложные мифы, то, наверное, есть и «неложные?»), а мыслит об истории с использованием, в большей или меньшей степени, мифологического мышления.

Работа с источниками, документами, отражающими жизнедеятельность людей разных эпох, не может полностью исключить мифологическое видение истории. При ближайшем рассмотрении становится очевидной иллюзорность подобного понимания задачи исторического познания, поскольку все равно остается «не формализуемый» остаток, связанный с нюансами личной жизни, отношений, поведенческих проявлений персонажей прошлого, получающих оценку как героические или предательские, как проявление высоких нравственных качеств или как обнаружение греховной природы и т.п. Мифология в истории — это образное дополнение к сухому документально обоснованному изложению. В этом отношении представляет интерес монография А.З. Манфреда «Три портрета эпохи Великой французской революции», где он создает образы трех исторических персонажей, которые он наделяет особой исторической ролью на конкретных этапах французской революции. Так, Руссо, согласно Манфреду, «заря революции...рассвет наступающего завтрашнего дня», Мирабо «представляет ранние часы революции... герой 1789 года», «Максимилиан Робеспьер — это полдень, это революция, достигшая своей зрелости» [5, с. 20–21]. Несмотря на большой фактический материал, образы указанных персонажей становятся в книге образами литературными, заключающими в себе видение автора, вводящее их в легендарную картину французской революции.

Одна из обычно называемых функций истории — воспитательная. Но в какой степени сухие данные о производстве сапог, глиняной посуды или корабельной снасти осуществляют эту воспитательную функцию. Для того чтобы история стала

воспитателем, она должна найти образное, человеческое сопровождение того видения истории, которое создается на основе сухого документального материала. Такое воплощение не может не носить на себе отпечаток мифологии.

В этой связи необходимо еще раз обратить внимание на отмеченное выше особое значение для формирования исторического самосознания взаимосвязи истории и искусства, истории и литературы. Искусство берет на себя (не освобождая от этой задачи и саму историю, которая в высших своих проявлениях может сближаться с искусством) образно-мифологическое представление прошлого. Это означает, что формирование исторического самосознания не может быть делом исключительно самой исторической науки — воспитание личности, развитие ее исторического самосознания не может осуществляться вне этого диалектического единства истории и искусства, истории и литературы.

Есть и еще один принципиальный философский момент, который необходимо иметь в виду, размышляя о путях формирования исторического самосознания и значении в этом деле мифологического видения прошлого. Мы имеем в виду то обстоятельство, что развитие исторического самосознания не может ориентироваться исключительно на гносеологическое видение исторического повествования, на историческую истину, формирующуюся в соответствии с нормами исторического исследования. Обращение к истории заставляет нас говорить о двух видах истины, имеющих значение для развития исторического самосознания, — истине в гносеологическом смысле, со всеми оговорками о единстве абсолютного и относительного, и истине экзистенциальной, формирующей подлинное бытие некоторого субъекта как представителя определенной культуры. Формой существования этой истины в определяющей степени выступает мифология, которая формирует то, что модно сейчас называть кодом культуры. В этом качестве миф выступает в роли символа, выполняющего, говоря словами А. Ф. Лосева, роль порождающей модели, которая задает смысловые основы видения себя, своей культуры разнообразных проявлений общественной жизни, и тем самым, выступает в качестве объединяющего начала некоторой национальной общности [4, с. 168].

Об этом надо помнить, когда начинают предприниматься попытки с помощью «новых документов» разрушить сложившуюся на протяжении многих лет мифологию, составившую культурную ткань исторического бытия народа. Примером таких интенций являются появляющиеся сейчас попытки развенчания образов многих героев отечественной войны, которые вошли в культурную ткань нашей культуры. Такое развенчание осуществляется с помощью «открытия» новых документов или свидетельств. Так, появились попытки доказать выдуманность подвига героев-панфиловцев, развенчать образ Зои Космодемьянской свидетельствами того, что он был якобы создан неким корреспондентом и редактором газеты «Красная звезда», скомпрометировать легендарные персонажи «Молодой гвардии» и др.

В связи с рассмотрением таких попыток возникает как минимум два вопроса. **Первый:** почему подобные «выдумки», мифы входят в память народа и остаются в ней. Думается, объяснять это исключительно деятельностью пропагандистской машины было бы большим упрощением.

Главное, на наш взгляд, заключается в том, что образы этих героев оказались соответствующими исторически сформировавшемуся самосознанию нации, продолжили логику отечественной культурной традиции и тем самым явились феноменом исторической **правды, рождающей веру в справедливость собственной истории.** Они стали легендой, развитой в художественной литературе, воспоминаниях, журнальных и газетных публикациях. Следует иметь в виду неоднократно отмеченное свойство мифа: в конкретном образе происходит обобщение и символическое представление большого круга реальных событий и их действительных участников.

Второй вопрос касается цели и обоснованности попыток развенчать мифологию прошлого. Обычно обоснование подобных мероприятий сводится к, казалось бы, неоспоримому тезису: истина превыше всего. Однако история — это не физика. Историческая реконструкция, в том числе и претендующая на истину, как отмечалось, всегда, явно или неявно, находится под влиянием ценностных установок автора-историка. Принцип документальной обоснованности может породить бесконечную цепь поисков документов, призванных обосновать то или иное видение ситуации и действующих персонажей. Такое движение превращается в дурную бесконечность, в ходе которого происходит не отказ от сложившейся мифологии, а замена одной мифологии другой.

Думается, что критерий принятия некоторой картины прошлого определяется не только документами (хотя, естественно, работа с источниками — это фундаментальный методологический принцип исторического исследования), подбор и интерпретация которых могут стать результатом тенденции, но и соответствием предлагаемого нового видения сложившейся веками культурной традиции. И весьма печально, когда жонглирование тенденциозно подобранными документами, сопряженное с их ангажированной некоторой идеологической установкой интерпретацией, оборачивается разрушением культурной памяти, укорененной в самосознании нации. Вспомним в этой связи писания небезызвестного В. Суворова, который использовал принцип документальной обоснованности для создания, по сути дела, новой мифологии, имеющей своей целью перестройку исторического самосознания нашего народа.

В истории человеческого общества происходит постоянное взвешивание на весах справедливости, смысловых основ человеческого бытия, логики, фактической достоверности, с одной стороны, и веры в праведность исторических персонажей, своей жизнью задающих принципы понимания смысла собственной истории.

Предельным выражением этой антиномии стала идея средневековой философии гармонии веры и разума и связанная с ней теория двойственной истины. И действительно, каким образом устанавливается подлинная реальность, в которой происходит самоутверждение человека: рациональным постижением мира, неизбежно несущим на себе печать человеческой ограниченности, или в свете веры, укорененной в многовековом историческом опыте народа.

В церковной жизни существует понятие «намоленности», отражающее печать многовекового общения с Богом, происходившего в стенах храма. Используя данный способ мышления, можно сказать, что история — это своего рода храм, обитель веры, она может быть более или менее «намоленной», и всякие попытки рациональной аргументацией ниспровергнуть историческую веру также не основательны, как попытки с помощью достижений науки опровергнуть веру в Бога.

Конечно, сказанное не означает неприкосновенности мифа. Мифы должны ставиться перед лицом рационального видения истории. Однако эта возможность угасает со временем по мере освоения этой мифологии национальной культурной традицией.

Мифология — это уровень художественной образности, обволакивающей фактуальную структуру. Это тот план картины исторической реальности, который становится достоянием массового сознания. Можно сказать, что scientистское увлечение научной аргументацией должно быть поставлено перед лицом веры, воплощенной в мифологических образах, организующей историческое видение и определяющей жизненные интенции нации.

Сегодняшняя ситуация в истории с особой определенностью, ставя вопрос о соотношении веры и разума, заставляет еще раз задуматься над знаменитым тезисом Тертуллиана «верую ибо абсурдно», многократно развенчанным и тем не менее вновь и вновь ставящим перед нами вопрос об истоках смыслов, которыми руководствуется человек в своей жизни.

Приведенные рассуждения можно заподозрить в обесценивании роли научной истины в развитии исторического сознания. Такая трактовка сказанного была бы неверной. Речь идет не об отказе от исследования прошлого в соответствии с критериями и нормами научного познания. Мы хотим указать лишь на одно обстоятельство — необходимость ставить риторiku на тему исторической истины как формы гносеологического отношения к действительности перед лицом истины экзистенциальной, выражающей истину исторического бытия народа или нации. Если этого не осознать, то мы столкнемся с тем, что доведенный до предела сциентизм обернется высшей и нерелективной формой субъективного исторического видения.

Историческое самосознание всегда есть и в этом его сущностная особенность, постоянно совершающийся процесс разрешения противоречия между двумя истинами: экзистенциальной, укоренной в традиции, и гносеологической, являющейся результатом беспочвенного искания общезначимых представлений исторического процесса. Каждая из этих истин имеет право на существование и разрешение указанного противоречия не должно осуществляться за счет одной из его сторон. При этом важно иметь в виду, что сферой разрешения этого противоречия выступает не собственно историческое познание, а **целостность культуры**, выражаемая всей совокупностью духовных форм освоения действительности.

Именно поэтому формирование исторического самосознания в школе не должно отдаваться на откуп дисциплине история, учебная литература по которой оказалась наполненной разнообразными, подчас весьма противоречивыми, толкованиями многих этапов истории страны. Это дело всего комплекса дисциплин, внутри которого поискам историков должна быть сопоставлена отечественная культурная традиция, зафиксированная в отечественной литературе, дисциплинах художественного образования, естественнонаучного цикла, в той мере, в какой они обращены к истории развития естествознания, и даже в темах уроков по физической культуре.

Литература

1. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986.
2. *Гарден Ж. К.* Теоретическая археология. М., 1983.
3. *Ключевский В. О.* Дневники и дневниковые записи // Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Т. IX. М., 1980.
4. *Лосев А. Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976.
5. *Манфред А. З.* Три портрета эпохи Великой французской революции. М., 1979.
6. *Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю.* История исторического знания. М., 2004.
7. *Юнг К.-Г.* Аналитическая психология. СПб., 1994.

Об авторе:

Александров Владимир Борисович, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; vladboralex@mail.ru

References

1. Brodel F. Material Civilization of the XV–XVIII centuries. Vol. 1. Structures of everyday life: possible and impossible. M., 1986. (In rus)
2. Gardin J.-C. Theoretical Archaeology. M., 1983. (In rus)
3. Kluchevskiy V.O. Diaries and Diary Entries // Kluchevskiy V.O. Writings in nine volumes. V. IX. M., 1980. (In rus)

4. Losev A. F. Problem of symbol and realistic art. M., 1976. (In rus)
5. Manfred A. Z. Three portraits of the Great French Revolution era. M., 1979. (In rus)
6. Repina L. P., Zvereva V. V., Paramonova M. Y. History of historical knowledge. M., 2004. (In rus)
7. Jung C.-J. Analytical psychology. SPb., 1994. (In rus)

About the author:

Vladimir B. Aleksandrov, Professor of the Chair of Journalism and Media Communications of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor; vladboralex@mail.ru